

Сов. Россия, 1985, 1 янв.

Цените МГНОВЕНИЯ

В нашей литературе есть замечательное поколение. Это писатели, которые со школьной скамьи и из студенческих аудиторий ушли на фронт. С тех пор тема войны стала главной в их творчестве.

В канун Нового года редакция обратилась к известным писателям-фронтовикам, которым в 1984 году исполнилось 60 лет, с двумя вопросами:

1. Чем, кроме юбилея, отмечен в Вашей жизни прошедший год, как Вам работалось в этом году, какие случаи, встречи, поездки, печали и радости оставили след в душе?

2. Что Вам непременно хотелось бы сделать именно в 1985 году?

Юрий БОНДАРЕВ:

1. Если говорить о литературе, то год оказался и радостным, и тяжелым, печальным. Радостным — потому что продолжают плодотворно творить ведущие писатели. Сейчас наша литература занимает в мире олимпийские высоты. Я думаю, что сегодня среди советских писателей есть около десятка величин мирового значения. Это прежде всего, конечно, Астафьев, Василь Быков, Распутин, Евгений Носов, Белов... К Шолохову, недавно умершему, по таланту и проникновению в жизнь не приблизился никто из крупнейших западных писателей XX века: ни Фолкнер, ни Хемингуэй, ни Томас Манн. Именно поэтому нас сейчас на Западе стали переводить меньше — не хотят показывать завоевания советского искусства. Об этом откровенно говорили многие прогрессивные зарубежные переводчики.

Но год был и тяжелый. Мы потеряли не одного Шолохова, а многих замечательных писателей.

Поездки и встречи? Их у меня всегда немало. В последние годы я не езжу за границу — это раньше мне хотелось познать тот мир, и я не отказывался от приглашений. Теперь же путешествую только по России... Я замечаю, что даже в нашей, писательской среде мы часто лучше знаем то, что за бугром, за забором, и хуже — свое, родное. И вот сейчас я одержим идеей познать Россию. Хотя осознаю, что осуществить ее до конца невозможно.

2. В ушедшем году, как и всегда, много работал. И такой же работы жду от года нового. Я не знаю, что такое вдохновение. Сажусь — и пишу. Иногда — по 17—18 часов в сутки... Если уж определять,

что такое вдохновение, то для писателя, считаю, это такое творческое состояние, когда герои начинают жить неожиданно: не ты их ведешь, а они ведут тебя. Вот так во многих эпизодах «Берега» вел меня Княжко.

Закончил новый роман — «Игра», который как бы завершит трилогию об интеллигенции, начатую «Берегом» и «Выбором». Не буду рассказывать о романе — он будет опубликован в первых двух номерах «Нового мира». Скажу только, что речь пойдет, конечно, не об игре, а о жизни. Когда писал — стремился к предельному лаконизму: каждое время, я считаю, требует своей литературной формы. Продолжаю работать над «Мгновениями» — их буду записывать всю жизнь. Недавно, когда лежал в больнице, родились несколько новых «мгновений», но они еще требуют шлифовки, публиковать их пока рано.

После романа, как и всегда после долгой работы, чувствую некоторое опустошение. За 4 года успел свыкнуться с героями. Как наполнится родничок — примусь за новый роман. Уже есть замысел.

Борис ВАСИЛЬЕВ:

1. Могу точно сказать, какое событие считаю самой большой радостью года — премьеру в Театре имени Ленсовета по моему рассказу «Вы чье, старичье?» И дело даже не в том, что спектакль получился (Игорь Владимиров поставил его в той присущей ему манере, когда внешне спектакль вроде бы в чем-то и противоречит автору, но на самом деле открывает в рассказе такое, о чем сам автор не подозревал). Радость моя оттого, что в лице театра — удивительно молодого, свежего, с истинно студийным, творческим характером — и самого Игоря Петровича Владимирова я нашел друзей. Это мое человеческое открытие — дружба с Игорем Владимировым. В моем возрасте больше привыкаешь не приобретать, а терять близких людей.

2. Что касается творчества, то год получился каким-то пустым, в отличие, скажем, от предыдущего. Многое начал — сразу три повести и роман, — но ничего не закончил. И вот в году новом хочу обязательно завершить хотя бы одну из повестей и роман — это тот роман о гражданской войне, который меня волнует уже давно. Впрочем, повествование уже сейчас вырывается за пределы гражданской войны. На примере одной семьи я, по-видимому, покажу историю государства вообще.